

УДК 821.161.1.09.+929+821.161.3.09.+929

Н. Гоголь и Я. Барщевский: к проблеме мировоззрения

Т. П. ЦЕЛЕХОВИЧ

Исследователь, который пытается рассмотреть писателя с точки зрения его «образа и подобия», всегда рискует потерять объективность, обмануться, раствориться в зыбких гранях «между» художественным и личностным «я» писателя. Наконец (если дело касается так называемых «загадочных», «сложных» авторов), всегда есть опасность затеряться в художественных «безднах и тенях», соскочить в «ужасную действительность», которая «представляется жаждущему ее тогда, когда он, желая постигнуть прекрасного человека, вооружается анатомическим ножом, раскрывает его внутренность и видит отвратительного человека» [1, т. 4, с. 215]. Николай Васильевич Гоголь, безусловно, относится к такому типу писателей. «Настойчивое желание разгадать загадки его текстов, – предупреждал В. Носов, – ни для кого не проходит даром. Рано или поздно углубившихся в них начинает чувствовать некий контакт – или иллюзию контакта – с самим автором, и тогда требуется немалая доля спокойствия, прилежания и такта, чтобы суметь не заблудиться умом, различить злое от доброго и не наделать «мистических» ошибок» [2, с. 99]. «Инфернальный художник», «есть в нем что-то жуткое» (Н. Бердяев), «кающийся колдун, бедный одержимый», «нет у нас автора страшнее и кошмарнее» (А. Терц), «бес», «идиот», «гениальный безумец» (В. Розанов), «юродивый» (В. Зеньковский), «человек, который носит с собою свой монастырь» (Д. Чижевский), «избранник Христа», «апостол Николай» (П. Михед), «инок в миру» (В. Воропаев), «безумец и мученик Христа ради» (А.В. Моторин) – весь этот далеко не полный перечень таких разных «определений» Гоголя можно свести к одному: «Бесспорно, Гоголь что-то знал, чего мы не знаем, о себе и о мире...» [3, с. 131].

Сведения о Яне Барщевском содержат биографические материалы: воспоминания современников и письма писателя, в частности, к Юлии Корсак. Здесь он представлен как человек с глубоким христианским мировоззрением. Барщевский не менее сложен для понимания, чем Гоголь. Как отмечал С. Яковлев, «творчасць Яна Баршчэўскага мае адну адметную асаблівасць: чым больш удумліва мы чытаем яго творы, тым больш складаным аказваецца ўнутраны свет аўтара і тым больш таямніц мае яго творчая лабараторыя» [4, с. 75].

Целью данной статьи является рассмотреть специфику формирования христианского мировоззрения Гоголя и Барщевского; сравнить позиции писателей в отношении к природе и назначению художественного творчества. Изучение особенностей формирования мировоззрения Гоголя и Барщевского представляется важным, поскольку это нашло отражение в их творчестве.

И Гоголь, и Барщевский были одиночками, бессемейными людьми. Но природа и назначение их состояний одиночества отличались. В воспоминаниях друзей Барщевский представлен как человек, стремящийся к общению. Он – пилигрим, вечный путешественник, но всегда – среди людей. «Сярод простага беларускага люду, на плятах Дзвіны, у прыдарожных корчмах»; «трэба яго бачыць у Полацку і Віцебску» [5, с. 68]. Ксендз М. Галавинский вспоминал, что Барщевский обошел Беларусь 30 раз пешком – «і цяпер наведвае з Пецярбурга, і ўсюды ён там жаданы, усюды яго міла прымаюць, бо як бард таго краю апавядае няспынна – анекдоты, аповесці сыпле, як з рукава» [5, с. 70]. Слова Р. Подбереского о писателе – «усё жыццё п. Баршчэўскага – адно пастаянная самаахвяраванне дзеля паэзіі!» – вполне можно рассматривать как дань уважения начинающему, но далеко не юному и пока неизвестному автору, которого критик хотел достойно представить читателям. Образ загорелого пилигрима с посохом в руках 30 раз обошедшего Беларусь, посвятившего свою жизнь белорусскому народу и его культуре, – традиционный портрет «рамантычнага адзіночкі» (А.

Лойка). В письмах к Юлии Корсак Барщевский предстает перед читателем в амплуа одинокого человека, страдающего от (риском предположить) несостоявшейся любви с «шаноўнай сястрой». Столь же не ясен миф о «сватовстве» Гоголя к Анне Виельгорской, который, все же, на наш взгляд, достаточно убедительно развенчал В. Воропаев [6].

Наличие огромных архивных материалов Гоголя ничуть не облегчает задачу исследователя его жизни и творчества, – скорее, наоборот. Гоголь был разным: с одной стороны, многие не любили его, с другой – почитали чуть ли не святым. И, несмотря на приступы неудержимого веселья и общительности, Гоголь был склонен к уединению. Он был одиноким человеком в кругу своих светских «друзей», «почитателей» его таланта. Это холодное одиночество, выраженное в сотнях писем «к разным лицам», могло быть одной из причин желания писателя уединиться в монастырских стенах и обрести там тепло. Только в последнее десятилетие своей жизни Гоголь обрел братьев во Христе, настоящих друзей, о которых смиренно будет молиться накануне смерти. Речь идет о лицах духовного звания, которые видели в Гоголе прежде всего человека, слабого, мнительного, мятущегося, но всей душой стремящегося к Богу. Посредством общения с этими людьми Гоголь – мистик и молитвенник, по мнению А. В. Моторина, стремился собственное мирозерцание «утвердить на двух земных столпах православного мистицизма: церковном и монастырском» [7, с. 13]. Гоголь всегда искал дружбы среди священнослужителей и монахов. «Нам во всяком случае следует искать тех знакомств и встреч, от которых хотя сколько-нибудь может похорошеть душа. Сами мы не можем дойти ни к чему без помощи других. И к Богу мы можем доходить только посредством частых обращений с людьми, тоже к Нему стремящимися», – писал Гоголь в августе 1847 г. графу А. Толстому [8, с. 14]. В родословной Гоголей-Яновских были лица духовного звания: прадед писателя по отцовской линии – священник, дед Гоголя окончил Киевскую Духовную Академию, отец – Полтавскую Духовную семинарию. С 1842 года у писателя был духовник – им стал о. Иоанн (Никольский) из приходской церкви преп. Саввы Освященного на Девичьем поле в Москве, который являлся наставником и помощником Гоголя в непростые для него моменты, особенно перед смертью писателя. Отец Иоанн оставил свидетельства искренней любви Гоголя к Богу, трепета и страха, который он испытывал накануне причащения, когда «падал ниц и много плакал» [8, с. 12]. Священнослужители сопровождали писателя и в его поездках к Святым Местам. Иннокентий, архиепископ Херсонский, настоятель Черноостровского Николаевского монастыря в Малом Ярославце игумен Антоний благословили Гоголя на путь в Иерусалим и Оптину Пустынь; по дороге в Иерусалим Гоголь беседовал с о. Петром (Соловьевым) и о. Порфирием (Успенским). Известно, что Гоголь дважды обращался к духовным лицам (настоятелю русской домово́й церкви Св. Марии Магдалины в Веймаре про т. Стефану (Сабинину) и оптинскому старцу Макарию с просьбой принять его в монастырь. Постепенно к Гоголю пришло осознание того, что «искусство свято», и чтобы спасти душу, необязательно уходить в монастырь – можно сделать это и на поприще писателя. В сентябре 1847 г. он напишет о. Матфею (Константиновскому): «Если бы я узнал, что я могу в монастыре уйти от мира, я бы пошел в монастырь. Но и в монастыре тот же мир окружает нас, те же искушенья вокруг нас» [8, с. 31]. Итак, Гоголь решает не связываться никакими узами на земле и полностью посвящает себя Богу в своем словесном служении. И комната в доме друзей становилась «уединенной кельей художника», дело которого было «душа и прочное дело жизни», потому что не писать для него значило не жить [1, т. 6, с. 253]. Гоголю была присуща вера в неограниченную всесильность слова. «Ему хотелось, чтобы и самый мир благоустроился на основании художественного (божественного) творчества, и в людях преобладали бы настроения, близкие его собственным, когда он самозабвенно и радостно творит», – писал В.И. Мильдон, рассматривая специфику эстетики Гоголя [9, с. 5]. В последние годы жизни Гоголю казалось, что его писательский дар недостаточен для описания высоких предметов. В этот период его письма полны отчаяния от «бессилия поведать славу Божию». Ценой служения для Гоголя было одиночество странника. «Убедимся, что мы странники на земле. Только из этого убеждения можем дать земной жизни нашей направление верное, употребить ее на приобретение блаженной вечности», – писал св. т. Игнатий Брянчанинов [10, с. 91]. Будучи верующим человеком, Гоголь понимал, что

земная жизнь преходяща и дана человеку как средство самопознания, как необходимое условие реализации свободы в целях подготовки себя к вечной жизни во Христе. И если Барщевскому дорога в большей степени была необходима для встреч и общения с новыми людьми, сбора фольклорного материала; то в жизни Гоголя одним из ведущих значений этого образа был – сакральный. «Дорога, ведущая ко Христу», вдали которой блещит «луч спасенья, святое слово любовь» [6, с. 12]. Показательно, что когда в 1841 г. Гоголь выздоровел «благодаря чудесной воле бога»; он стремится куда-то ехать, бежать, будто чтобы лично при встрече отблагодарить своего врача – в «дальнюю, дальнюю дорогу» [8, с. 47].

Сын униатского священника, Барщевский через всю жизнь пронес веру в Бога; кроме того, писатель окончил Полоцкую иезуитскую академию, где получил духовное образование. Несомненно, путешествуя по Беларуси, он хорошо изучил народные представления об окружающем мире и передал их в своих «фантастических апавяданнях», но он был также хорошо осведомлен в религиозных вопросах, глубоко постигнув курс теологии в академии. Барщевский, по воспоминаниям Р. Подбереского, никогда не упускал возможности «з сям'ёй сумленнага шляхціца ўзнесці малітвы спрадвечнаму ў родным касцёле» [5, с. 69]. Своей «сестре» Юлии Корсак он советует в трудностях: «ноччу, без скону, малі аб літасці Бога» [11, с. 19]. А в стихотворении «Do mlodziezu», опубликованном в № 3 альманаха «Niezabudka», обращается к представителю молодого поколения:

Tam szukaj Boga, poznaj sama siebie,
I tajemnice objawiaj przed ludem... [12, с. 276].

Известно, что Гоголь любил записывать интересные слова и фразы на клочках бумаги, осьмушках; свои черновики он носил в знаменитом портфеле, с которым никогда не расставался. Его славянский собрат Барщевский свои рукописи, которые он называл раптурки (от пол. *rapturny* – записная книжка), также носил с собой, но в шапке возле табакерки. Эти факты свидетельствуют о значимости художественной работы в жизни писателей, для которых их «листочки» были чем-то очень дорогим.

В марте 1844 Барщевский писал из Петербурга Ю. Корсак, что запись его «уласных фантазій» требует «адзіноты ды поўнага паглыблення ў самім сабе» [13, с. 432]. А несколькими годами ранее он приоткрывает тайну творческого процесса: «Цяпер у Пецярбурзе сама той час, які найбольш мне падабаецца: дні цёмныя, вятры выюць каля муроў, хвалі вырываюцца з каналаў, гарматы страляюць, палыхаючы гаражан, а я, седзячы за столікам у чатырох сценах, *мрояю* аб зданях, чараўніцах і шатанах. Словам, каб хто зазірнуў у маю галаву, дык убачыў бы там страшэнныя жахі. Аднак не заўсёды *гэтыя чорныя думкі* ў маіх мроях. Яны *толькі для балад*. <...> Шмат успамінаў у маёй душы (курсив мой – Т. Ц.)» [13, с. 428]. Ранее он признается о приступах уныния и меланхолии: «Чорны дух <...> умешваецца ў мае думкі» [11, с. 106]. Все же очевидно, что Барщевский умел абстрагироваться от своего творчества, жить собственной жизнью, где не было «чорных мрояў» и фантастики. Кроме того, фрагмент этого письма мог бы органично вписаться в любой рассказ цикла «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях»: писатель ироничен и весел, даже воссоздавая отнюдь не веселую ситуацию. Другое дело с гоголевскими «чудовищами»: он брал их из собственной души и переносил на лист бумаги; а они, образовывая своей чернотой яму, манили туда и писателя, и его читателей. Эти образы были страшны: «Если бы кто увидел те чудовища, которые выходили из-под пера моего вначале для меня самого, он бы, точно, содрогнулся»; свои сочинения он называл «историей его собственной души» [1, т. 6, с. 246-248]. В творчестве Гоголя отразилась трагедия всей русской литературы, которая выражается в вопросах: где грань между добром и злом в искусстве, по каким достоверным признакам художник может заключить, что его вдохновение чисто, не «от лукавого», и он не впал в прелесть? «Молитесь обо мне», который «всех грешнейший и недостойнейший», летит во все концы России. Но, по-видимому, единственными, кто принимает ее всерьез, становятся православные друзья Гоголя: оптинские насельники – иеромонах Филарет, игумен Моисей, старец иеросхимонах Макарий, о. Парфирий (Григоров), которые относились к писателю как к брату и с христианской заботой и любовью принимали его в Оптиной Пустыни. Иеромонах Макарий предвидел кончину Гоголя. Так, в письме к старцу осенью 1851 года Гоголь спра-

шивает: «Отчего вы, прощаясь со мной, сказали: «в последний раз?». Может быть, все это происходит от того, что нервы мои взолнованы...» Старец начинает свое ответное письмо Гоголю словами: «Мне очень жаль вас...» [14]. Накануне смерти Гоголь находился в доверительных отношениях с о. Матфеем (Константиновским), почти каждый день февраля 1852 года бывал в приходской церкви преп. Симеона Столпника и хвалил службу о. Алексия (Сokolova). Гоголь также был знаком со знаменитым московским блаженным Иваном Яковлевичем Корейшей, к которому, по свидетельству доктора А. Тарасенкова, ездил в день похорон Е.М. Хомяковой (29 января 1852 г.) в Преображенскую больницу для умалишенных, чтобы узнать от божьего человека свой дальнейший путь. Но в последний момент не решился поговорить с блаженным.

Для Гоголя было очень важно мнение о своем творчестве именно духовных авторов, поэтому он советовался с о. Матфеем Константиновским, арх. Феодором Бухаревым, св. т. Филаретом, митрополитом Московским и Коломенским. Именно Филарету 10 февраля 1852 года, накануне сожжения 2 тома, он хотел через графа А. Толстого передать свои рукописи, а месяцами ранее писал С. Шевыреву, после того как не удалось повидаться с Филаретом лично: «Мне хотелось только прийти к нему на две минутки и попросить молитв, которые так необходимы изнемогающей душе моей» [8, с. 47].

Таким образом, рассмотрение некоторых аспектов жизненных укладов Гоголя и Барщевского позволяет говорить о наличии в них общих черт: воцерковленность, склонность к созерцательному уединению в сочетании со стремлением к общению, в первую очередь с целью духовного обогащения, бессемейность (у Гоголя эта черта приобретает аскетический характер), тяга к путешествиям, серьезное и трепетное отношение к художественному творчеству. Писателей объединяет глубокая связь с христианством, которая укоренилась в них с детских лет через влияние родных духовного звания, патриархально-обрядовые семейные традиции, а затем вследствие получения духовного образования (Барщевским – в Полоцкой иезуитской академии, Гоголем – самостоятельного и при участии друзей изучения отцов Церкви) и, наконец, – ходом собственной жизни, которая была для них непрерывным стоянием перед Богом. Несмотря на то, что Барщевского не отличала религиозная надрывность, духовный драматизм, горнило исканий, присущие Гоголю, обоих писателей объединяет любовь к Богу. При всем этом, Гоголя и Барщевского отличают содержание и ход их творческих процессов, и отношение писателей к литературной деятельности. Если для Барщевского составляющие диады «творчество – личная жизнь» имели определенную границу между собой; то Гоголь переступал «за» собственно литературный процесс, ставя перед своими произведениями (и собой как писателем) задачи, превышающие задачи искусства: «показать ясно, как день, пути и дороги ко Христу для каждого», изобразить «прекрасного человека». Становление своей духовной жизни Гоголь проецировал на этапы своего творчества – в этом сложность и трагизм его как человека и художника.

Abstract. The paper considers the features of N.Gogol's and Y. Barshchevsky's Christian outlooks formation. It compares their attitudes to nature and creative work.

Литература

- 1 Гоголь, Н.В. Собр.соч.: в 7 т. / Н.В. Гоголь. – М.: Худ.ли т., 1984–1986.
- 2 Носов, В.Д. «Ключ» к Гоголю. Опыт художественного чтения / В.Д. Носов. – London, 1985. – 137 с.
- 3 Терц, А. (Андрей Синявский) Собр.соч.: В 2 т. / А. Терц. – М.: СП «Старт», 1992. – т. 2: В тени Гоголя. Спокойной ночи. Крошка Цоре с. – 654 с.
- 4 Ян Баршчэўскі: дыялог з часам і ў часе: матэрыялы III Міжнар. Чытанняў, Віцебск, 15-16 снежня 2000 г. / ВДУ імя П.М. Машэрава; рэдкал.: А.В. Русецкі [і інш.]. – Віцебск, 2002. – 78 с.
- 5 Пачынальнікі. 3 гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX с т. / Уклад. Г.В. Кісялёў. – Минск: Навука і тэхніка, 1977. – 544 с.

- 6 Воропаев, В. А. Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки / В.А. Воропаев.— М.: Макариевский фонд, 2002.—208 с.
- 7 Моторин, А.В. Духовные противоречия Гоголя / А.В. Моторин. – Вел.Новгород: НовГУ им.Ярослава Мудрого, 1999. – 116 с.
- 8 Гоголь, Н.В. Духовная проза / Н.В. Гоголь. – М.: Отчий дом, 2001. – 568 с.
- 9 Мильдон, В.И. Эстетика Гоголя / В.И. Мильдон. – М.: ВГИК, 1998. – 127 с.
- 10 Брянчанинов, И. св т. Аскетические опыты.: В 7 т. / св т. Игнатий Брянчанинов. — М.: Правило веры, 1993.— т. 1.—390 с.
- 11 Баршчэўскі, Я. ЛІСТЫ ДА ЮЛІ: Пісьмы, вершы, балады / Я. Баршчэўскі. — Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2004. — 111 с.
- 12 Niezabudka. Noworocznik. — Petersburg: Drukiem K.Kraja, 1842. — R.3. — s. 276
- 13 Баршчэўскі, Я. Выбраныя творы / Я. Баршчэўскі. — Мінск: «Белар.кнігазбор», 1998. — 480 с.
- 14 Список писем Н. Гоголя к иеромонаху Макарию и иеромонаха Макария к Н. Гоголю. 1851 год. (рукою Г.П. Георгиевского). № 217, 2-8.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 30.03.07

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ